

ЧТО ТАКОЕ “ПАДЕЖ”: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА В АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ⁷

В основе традиционной грамматической теории лежит выделение различных классов слов языка – частей речи – и описание их посредством грамматических категорий. Впервые система такого типа была создана александрийскими учеными как дескриптивная и нормативная теория греческого языка. Ее истоки восходят к Аристотелю и Платону, а влияние обнаруживается и в наши дни – по крайней мере в школьной грамматике. Одной из самых значимых грамматических категорий этой системы является падеж.

Александрийские грамматикологи знали о падеже примерно то же, что и современные школьные учителя. Они учили, что эта категория применима к одним частям речи (в первую очередь, к именам) и не применима к другим (в первую очередь, к глаголам). Они выделяли ровно те же пять падежей, которые указываются в современных учебниках древнегреческого. Наконец, они противопоставляли именительный падеж всем остальным падежам, называя их, соответственно, прямым и косвенными.

Длительно дискутировался вопрос, является ли именительный падеж падежом в собственном смысле слова, или он был некогда назван так по ошибке и сохраняет этот статус в силу привычки и по аналогии с остальными. Этот вопрос, в свою очередь, упирался в трактовку термина "падеж".

Данный термин не был нововведением александрийцев. Впервые слово *πτῶσις*, означающее буквально "падение" и употребительное в самых разных контекстах, было привлечено для описания языковых явлений Аристотелем. Затем его взяли на вооружение философы Древней Стои, ограничившие его значение сферой изменения имен, а также различившие отдельные падежи. Именно стоики, по-видимому, назвали именительный падеж *ὀρθή* "прямой, стоящий прямо". Получившийся таким образом составной термин "прямо стоящее падение" представлялся внутренне противоречивым не одному поколению грамматиков. Требовалось либо объяснить, как можно согласовать вступающие в противоречие понятия, либо отказаться от одного из них.

Задача настоящей статьи – проследить историю обсуждения этой проблемы в античной Греции и в Византии.

⁷ Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции» в Русской христианской гуманитарной академии.

Аристотель

Как известно, у Аристотеля нет специального сочинения, посвященного грамматике, но к вопросам устройства языка он обращался многократно – при обсуждении проблем логики, риторики и поэтики. Слово $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$ в интересующем нас значении можно отыскать на страницах многих произведений Аристотеля – обеих "Аналитик", "Метафизики", "Категорий", "Топики" и др. Наиболее подробно о нем сказано в 20-й главе "Поэтики".

Здесь $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$ указан в ряду "частей речи в целом" (Arist. Po. 1456b. 20-21) и дано следующее его определение: "Отклонение ($\pi\tau\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$) имени или глагола – это когда они означают "кого? кому?" и тому подобное, или же "один" или "много" (например, "люди" и "человек"), или же [способ] произнесения (например, вопрос или приказание: "пришел?" или "иди!" – будут глагольными отклонениями именно такого рода)" (Po. 1457a. 18-23).

Из сказанного ясно, что Аристотель трактовал $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$ очень широко, понимая под ним практически любое изменение исходной формы слова – как имени, так и глагола. Так, к $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ имен, помимо форм косвенных падежей, отнесены и формы множественного числа. Другие произведения позволяют продолжить перечень: степени сравнения прилагательных (Top. 136b. 30), наречия, образованные от прилагательных (Top. 1106b. 29) и от причастий (Top. 148a. 12-13), отыменные существительные (Cat. 1a. 14). К $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ глаголов, кроме приведенных в "Поэтике", относятся лицо, время (Int. 16b. 16-18), а также инфинитив (Top. 153b. 25-33).

Проблемы возникают тогда, когда мы пытаемся понять, рассматривал ли Аристотель как $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ также и начальные формы слов. Известное место в трактате "Об истолковании", по-видимому, вынуждает дать отрицательный ответ: "Филона" же или "Филону" и тому подобное не имена, а падежи имен. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] "есть" [...] они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает" (Int. 16a. 35 - 16b. 4). Аналогичное замечание сделано в следующей главе и относительно глаголов: "[...] "был здоров" и "будет здоров" не глаголы, а изменения глагола по временам и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает настоящее время, а они -- время до и после настоящего" (Int. 16b. 16-19). Взятые в изоляции, приведенные отрывки едва ли допускают множество толкований. Очевидно, что Аристотель трактовал $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ как изменение начальной формы, которую отождествлял со словом как таковым – именем или глаголом. Для имен указан даже логико-синтаксический критерий – способность становиться субъектом экзистенциального суждения. Однако, как только мы привлекаем примеры $\pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ из других сочинений, картина перестает быть ясной. Разве не является именем, согласно указанному критерию, форма множественного числа "люди" (Po. 1457a. 18)? Разве слово "грамматик", отличающееся от имени "грамматика" $\tau\eta\ \pi\tau\acute{\omega}\sigma\epsilon\iota$ (Cat. 1a. 14), в соединении с глаголом "есть" не выражает истины или лжи?

Выясняя взгляды Аристотеля, большинство его интерпретаторов во все времена склонны были скорее соглашаться со сказанным в "Об истолковании". Точка зрения, согласно которой Аристотель исключал начальную форму имени и глагола из числа πτόσεις, превалирует и в современной науке [2]. Однако, находятся исследователи, которых данный ответ на вопрос не удовлетворяет. Дж. Торп, опираясь на отрывок из "Первой аналитики" (A.Pr. 48b. 25-30), доказывает, что Аристотель проводил различие не между начальной и всеми остальными формами имени, а между его наименованием – κλήσις и случаями его употребления в речи – πτόσεις. Путаница, утверждает он, возникла из-за того, что форма им. п. ед. ч., встречающаяся в речи наряду с остальными, совпадает с наименованием имени [4. 328-329]. Но и это решение, по-видимому, не устраняет все трудности. Ведь если считать, что Аристотель ради краткости говорит "имя" там, где следовало сказать "наименование имени", то придется принять и то, что наименование имени, а не само имя в сочетании с глаголом "есть" выражает истину или ложь.

Стоики

Философы Древней Стои пристальное внимание уделяли изучению мысли и способа ее выражения в языке. Они разработали сложное и подробное логико-грамматическое учение и изложили его в целом ряде трактатов – к несчастью, ныне утраченных. Современные исследователи, реконструируя стоическую доктрину по сохранившимся фрагментам и свидетельствам, с уверенностью говорят о такой трактовке ptosis в стоической школе [5]:

Стоики значительно сузили значение πτόσις, по сравнению с Аристотелем. Они связали этот термин исключительно с изменением имен, причем таким, которое мы сейчас назвали бы изменением по падежам. Стоики выделили отдельные падежи и – если мы полагаемся на свидетельство Диогена Лаэртского (D. L. 7. 65) и не считаем, что он при изложении учения стоиков воспользовался более современной терминологией – дали им закрепившиеся в традиции названия. Наконец, они стали называть именительный, до тех пор не имевший специального названия, падеж прямым ὀρθή, а остальные – косвенными πλάγιοι. Понятие "прямое падение" не представлялось стоикам проблематичным, но, очевидно, вызывало непонимание со стороны их оппонентов, трактовавших πτόσις как изменение исходной формы, отпадение от прямого падежа. На их вопросы стоики отвечали, что прямой падеж "упал с душевного представления" и, чтобы пояснить, употребляли следующее сравнение: "И как о пущенном сверху и вертикально вонзившемся в землю грифеле говорят, что он упал и имел прямое падение, таким же образом, считаем мы, прямой (падеж) упал с представления и является прямым, как первообраз звукового выражения" [1. 71].

Несмотря на терминологическое сходство, трактовка падежа у стоиков существенно отличается от всех более поздних трактовок. Стоическая

диалектика включала две части – учение об обозначающем и учение об обозначаемом. Понятие падежа и отдельные падежи требовались для того, чтобы точнее охарактеризовать обозначаемое – умопостигаемый предмет. Иными словами, πτῶσις стоиков – это категория скорее логико-семантическая, чем морфологическая.

Александрийские грамматики

Как уже было сказано, именно александрийцы впервые обратились непосредственно к морфологии. Они различили восемь частей речи и образование форм каждой из изменяемых частей описали с помощью специальных категорий, падежом, к числу которых относится и падеж. Все дистинкции стоиков, о которых говорилось в предыдущем разделе, были с готовностью восприняты александрийскими учеными, но перенесены из области обозначаемого в область обозначающего. Теперь это словоизменительная категория, характеризующая форму слова, а не отношение выражаемого им мыслимого содержания к другим мыслимым содержаниям, образующим высказывание.

Что касается вопроса о смысле метафоры падения, то он, во-видимому, мало занимал александрийских грамматиков. (Псевдо-) Дионисий Фракийец (II в. до н.э.) излагает свое грамматическое учение предельно лаконично и сухо, не оставляя места для сомнений и лишних спекуляций: "Падежей имени пять: прямой, родительный, дательный, винительный, звательный. Прямой падеж называется также именительным, родительный – притяжательным и отеческим, дательный – поручительным [...]" (D. T. 31. 5 - 32. 1).

Феодосий (IV - V вв. н.э.) создает подробнейшие "Каноны" – собрание парадигм склонения имен и глаголов в зависимости от их окончания в номинативе и правил, их поясняющих. Этот трактат целиком подчинен одной цели -- дать пример языковой нормы и научить следовать ей. Дискуссионные вопросы также остаются в нем вынесенными за скобки.

Византийские комментарии

Основная дискуссия относительно "падения" падежа и статуса номинатива развернулась уже в позднеантичный и византийский период – в схолиях и комментариях к трактатам античных авторитетов. Рассмотрим, что говорится о падеже в двух византийских комментариях к "Канонам" Феодосия – в комментарии Иоанна Харакса (VI-VIII вв.) и Григория Хировоска (IX в.).

Комментарий Хировоска чрезвычайно обстоятелен. Автор явно желает по возможности наиболее полно осветить каждый вопрос. Обсуждение положения номинатива – в собственном смысле он является падежом или вследствие неверного словоупотребления – занимает более страницы [3. 109. 25 - 110. 34]. Сначала Хировоск дает правильный, на его взгляд, ответ: номинатив причисляют к остальным падежам καταχρηστικώς. Затем представляет аргумент противной стороны: номинатив-де справедливо

называется падежом, поскольку падает "с родового имени", а прямым – потому что падает прямо, подобно грифелю или игральным костям. Контраргумент Хировоска базируется на следующем наблюдении: предлог, поставленный перед именем в одном из косвенных падежей, не сливается с ним в одно слово, а поставленный перед глаголом или наречием – непадежными частями речи – сливается и образует новое слово. Если поставить предлог перед номинативом, они сольются воедино (например, *κατά* и *ὀδός* образуют *κάθοδος*). Таким образом, именительный падеж, согласно этому критерию, примыкает к группе непадежных частей речи, а значит не является в собственном смысле слова падежом.

Комментарий Харакса дошел до нас в сокращенном виде в эксцерпах Софрония (IX в.). Коспективное изложение, по-видимому, стало причиной некоторых искажений и утраты отдельных логических связей в аргументации. Так, разъясняя термин "падеж", Харакс-Софроний говорит, что падежи имеют такое название не потому, что отпали от именительного (ведь тогда и глагол имел бы падежи), а потому, что номинатив прямо обозначает сущность, тогда как остальные падежи – только косвенно [З. 378. 26- 38]. На наш взгляд, данное объяснение хотя и раскрывает суть наименований "прямой" и "косвенные", все еще ничего не сообщает о падеже как таковом.

Итак, мы видим, что византийские грамматики не считают вопрос о смысле метафоры падения, породившей термин "падеж", и о статусе именительного падежа праздным. Они не только высказывают свое мнение относительно данного вопроса, но и поддерживают его аргументами, отбивающими аргументы противников. Конечно, в основном, они переизлагают аргументы античных авторов, но иногда привлекают и иные рассуждения – например, о поведении номинатива при соединении с предлогом у Хировоска.

Литература

1. Фрейденберг О. М. (ред.) Античные теории языка и стиля. ОГИЗ, 1936.
2. Brandenburg Ph. Case, Ancient Theories of / Giannakis G. K. (ed.) Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics. Leiden: Brill, 2014.
3. Hilgard A. (ed.) Grammatiki Graeci. Vol. 4. Leipzig: Teubner, 1894.
4. Thorp J. Standing up, falling down: Aristotle and the history of grammar // Classical Views. 1989. Vol. 33. P. 315-331.
5. Wolanin H. The origin of the opposition *πτῶσις ὀρθή* (εὐθεΐα) – *πτώσεις πλάγιοι* (casus rectus – casus obliqui) in the linguistics of ancient Greece // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. 2009. Vol. 126 P. 149-166.